Александр Тамоников

Последний из Отряда 731

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Последний из Отряда 731 / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина)..

ISBN 978-5-04-248599-2

Лето 1945 года. Фашистская Германия повержена. Но еще сильна и опасна империалистическая Япония. Советскому руководству становится известно, что в Харбине действует секретная лаборатория, в которой японцы испытывают биологическое оружие против наступающей Красной армии. Группе СМЕРШ майора Алексея Кравченко приказано проникнуть в лабораторию, захватить документацию, образцы штаммов и ликвидировать главных специалистов. В Харбин группа проникает под видом белоэмигрантов. Вскоре выясняется, что место, где, по данным разведки, находится лаборатория, надежно охраняется и подобраться к нему практически невозможно. И тогда майор решает применить нестандартный ход...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248599-2

© Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

15 июля 1945 года, 14:00. Токио.
Императорский дворец

Гул стоял в ушах. Монотонный, дребезжащий, он, казалось, проникал под кожу вместе с липким воздухом, который без всякой пользы гонял под потолком в кабинете электрический вентилятор. Лопасти вращались лениво, с усилием разрезая влажный летний токийский воздух, но прохлады не было — только движение спертой духоты.

Адъютант лейтенант Танака стоял у двери, стараясь дышать ровно. Форма прилипла к спине, подворотничок за полчаса превратился в мокрую тряпку. Он смотрел прямо перед собой, в точку на бумажной ширме, но краем глаза видел все вокруг.

За длинным полированным столом сидели трое. Представитель императорского Генштаба — полковник с лицом, похожим на застывшую маску, и два штатских из Военного министерства в темных костюмах, от которых пахло нафталином и потом. Они пили зеленый чай, и фарфоровые чашки позвякивали о блюдца в такт вибрации вентилятора.

Напротив них стоял генерал Сиро Исии.

Белый халат. Идеально чистый, накрахмаленный, ослепительный. Он был надет поверх мундира, и эта белизна резала глаз на фоне темных кимоно, коричневых ширм, желтоватых бумаг. Танака поймал себя на мысли, что не может отвести взгляда от этого халата. Доктор. Врач. Человек, который должен спасать.

Исии разложил на столе фотографии.

— Прошу обратить внимание на серию снимков номер двести семнадцать. — Голос у генерала был ровный, лекционный. — Испытания чумной палочки на человеческом материале. Фиксация времени летального исхода в зависимости от способа введения.

Танака перестал дышать. Он знал, что смотреть нельзя. Что нужно смотреть в ширму, в пол, в потолок — куда угодно, только не на фотографии. Но взгляд приклеился к столу, к глянцевым отпечаткам, которые Исии двигал перед штабными офицерами с ловкостью крупье, тасующего карты.

Клетки. Люди в клетках. Голые, худые, с бритыми головами. Они сидели на бетонном полу, прижавшись друг к другу, и смотрели в объектив. Не с ужасом — с тупым безразличием животных, которые уже все поняли. На других снимках были столы. Металлические, с желобами по краям и резиновыми шлангами. Один из штатских наклонился, рассматривая снимок, сделанный крупным планом.

— А это что за оборудование? — спросил он.

В его голосе не было ужаса. Только любопытство профессионала к новому инструменту.

— Стол для вскрытия живого объекта, — Исии поправил очки. — Позволяет проводить замеры работы органов под наркозом. Мы фиксируем показатели до момента остановки сердца. Очень познавательно, знаете ли. Например, печень при холере ведет себя иначе, чем при сибирской язве.

Полковник Генштаба отхлебнул чай.

— Эффективность подтверждена?

— Сто процентов. — Исии кивнул помощнику, стоящему у стеклянного шкафа.

Тот открыл дверцу и достал тяжелый том в коленкоровом переплете.

— Отчеты по каждой серии. Три тысячи семьсот двенадцать наблюдений. Все данные систематизированы. Если угодно, могу продемонстрировать графики зависимости времени агонии от дозировки.

Танака почувствовал, как под ложечкой заныло. Тошнота подкатила к горлу, горячая и кислая. Он сглотнул, стараясь не менять выражения лица. За стеклянной дверью кабинета, в саду, надрывались цикады. Их стрекот смешивался с гулом вентилятора, превращаясь в сплошную стену звука, от которой не спрятаться.

Штатский из Военного министерства, тот, что рассматривал снимки, откинулся на спинку стула.

— А транспортировка? Насколько стабильны культуры при перевозке?

— Мы решили эту проблему. — Исии сделал знак, и помощник выдвинул из шкафа небольшой контейнер. — Сухой лед. Поддерживает темпера-

туру минус семьдесят два градуса в течение сорока восьми часов. Штаммы сохраняют вирулентность полностью.

Контейнер открылся. Внутри, в гнездах из мягкого металла, стояли пробирки. Ровные ряды, аккуратная маркировка иероглифами. В пробирках была мутноватая жидкость. Исии взял одну, поднес к свету, любовно разглядывая и поворачивая в пальцах.

— Вот это, господа, — сказал он почти нежно, — чума. Настоящая, средневековая, черная смерть. У нас она живет в этой маленькой стеклянной трубке и ждет своего часа.

Он поставил пробирку на стол. Все смотрели на нее. Танака смотрел тоже. Маленький стеклянный цилиндр, в котором плещется смерть миллионов.

Полковник Генштаба прокашлялся.

— Генерал, каковы сроки? Реальные сроки боевого применения?

— Мы готовы сейчас. — Исии улыбнулся.

Не хищно, не зло. Улыбкой учителя, которому задали правильный вопрос.

— Технически нужно лишь погрузить контейнеры в отсек для бомб самолета Ки-57. Распыление аэрозольное, над целью — раскрытие на высоте триста метров. Облако накрывает площадь до двух квадратных километров. Инкубационный период при чуме — от двенадцати часов до трех суток. При сибирской язве — быстрее. — Он развернул на столе карту. — Харбин. Чанчунь. Мукден.

Палец в белом резиновом напальчнике касался городов.

— Здесь наши лаборатории. Здесь наши склады. Здесь — сосредоточение советских дивизий, когда они войдут. Они прут, как бараны, господа. В сорок первом они поперли на немцев, и немцы их били миллионами. Теперь попрут на нас. Но мы их встретим не пулями. — Он поднял пробирку к свету. — Мы встретим их вот этим.

Танака смотрел на карту. На жирные красные круги, обведенные вокруг городов Маньчжурии. Он знал, что там, в Харбине, в подвалах бывшего русского госпиталя, работает «Отряд 731». Знал, что в морозильных камерах лежат штабелями «марионетки» — так называли подопытных. Знал, что в крематориях жгут тела круглые сутки, и дым стоит над пригородом черным столбом.

Но знать — это одно. А видеть, как человек в белом халате, с улыбкой преподавателя университета, объясняет преимущества чумы перед сибирской язвой, — это другое.

Штатские переглянулись. Один из них, с холодными глазами за стеклами пенсне, кивнул.

— Императорская ставка утверждает план, — сказал он сухо. — Полковник Накамура?

Человек, сидевший в углу кабинета до этого совершенно неподвижно, поднялся. Танака только сейчас заметил его — тот сидел в тени, у шкафа с отчетами, и не проронил за все время ни слова. Полковник Кендзи Накамура, командир лабора-

торного комплекса в Харбине. Средних лет, поджарый. Форма сидела на нем как влитая, ни одной складки. Лицо — камень.

— Я слушаю. — Голос у Накамуры был низким и ровным.

Ни тени эмоций.

Исии повернулся к нему.

— Кендзи, вы принимаете командование операцией непосредственно на месте. Ваша задача — подготовить все к моменту начала советского наступления. Как только русские пересекут границу, мы должны быть готовы нанести удар.

— Понимаю. — Накамура кивнул. У него не было ни сомнений, ни вопросов. В его глазах, темных и непроницаемых, отражалась настольная лампа. И больше ничего.

— Сколько времени вам потребуется на финальную подготовку?

— Сутки. Максимум двое. — Накамура говорил так, будто речь шла о погрузке картофеля на склад. — Аэрозольные генераторы опломбированы, штаммы в рефрижераторах. Нужно лишь снять пломбы и открыть вентили.

Исии с довольным видом кивнул.

— Вы слышали, господа? Профессионализм.

Штатский в пенсне поднялся. За ним встали остальные.

— Мы докладываем наверх, — сказал он. — Ждите дальнейших распоряжений. Но в целом... — Он посмотрел на пробирки, все еще стоящие на столе,

на фотографии, на карту. — В целом план утвержден. Будьте готовы к двадцатым числам августа.

— Будем готовы раньше, — пообещал Исии, провожая их к двери.

Танака распахнул створки, поклонился. Когда штатские и полковник Генштаба вышли в коридор, где было хоть немного прохладнее, он перевел дыхание. Воротник прилип к горлу, хоть выжимай. Цикады за окном орали как сумасшедшие. Вентилятор под потолком все гудел, гоняя по пустому кабинету теплый, спертый воздух.

— Вы свободны, лейтенант.

Голос Исии заставил его вздрогнуть. Генерал стоял у стола и смотрел на него. Взгляд был спокойный, изучающий.

— Вы давно у меня, Танака?

— Третий месяц, генерал.

— И как вам наша работа?

Танака проглотил комок. Нужно было ответить правильно. Нужно было сказать, что работа важная, что она спасает Японию, что он горд служить под началом такого ученого.

— Я... — голос сорвался. Он откашлялся. — Я стараюсь соответствовать, генерал.

Исии усмехнулся. Усмешка была странная — понимающая, почти отеческая.

— Идите, Танака. Выпейте воды. У вас лицо бледное.

Лейтенант поклонился и вышел, стараясь не бежать.

В коридоре было пусто. Только где-то далеко хлопнула дверь. Танака прислонился к стене, закрыл глаза. Перед веками все еще стояли эти фотографии. Люди в клетках. Столы с желобами. Пробирки с мутной жидкостью.

Он сжал кулаки, заставляя себя дышать ровно. Он солдат. Он делает то, что должен. Япония ведет великую войну. И в этой войне все средства хороши.

Но в груди, под самым сердцем, образовался холодный комок, который не уходил. Он знал, что подобное будет с ним теперь всегда.

Исии остался один.

Кабинет вдруг стал казаться огромным и тихим. Только вентилятор гудел, только цикады за окнами стрекотали. Генерал подошел к столу, собрал фотографии в стопку, постучал ребром, выравнивая края. Убрал в папку. Закрыл контейнер с пробирками, защелкнул замки.

Потом подошел к стене. Карта Маньчжурии висела в тяжелой деревянной раме, занимая почти всю стену от пола до потолка. Синяя линия Амура, зеленая равнина, коричневые сопки. И красные кружки — Харбин, Чанчунь, Мукден. Там, где ждут своего часа маленькие стеклянные трубочки.

Исии стоял, заложив руки за спину, и смотрел на карту. Палец в резиновом напальчнике медленно провел по Харбину, остановился на Чанчуне, скользнул к Мукдену.

В гул вентилятора вплетался стрекот цикад, и от этого монотонного звука начинало слегка по-

калывать в висках. Жара стояла невыносимая, даже здесь, в кабинете Императорского дворца.

Но генерал, казалось, не замечал духоты.

Он смотрел на карту. На эту огромную территорию, которую Квантунская армия удерживала уже четырнадцать лет. На города, где жили миллионы — китайцы, русские, корейцы, японцы. На пространство, куда скоро ввалятся советские дивизии с их танками, пушками и солдатами, которых так много, что можно затопить реки их кровью.

Исии чуть наклонил голову.

Губы его, сухие от жары, тронула едва заметная улыбка. Не торжествующая. Не злая. Мечтательная улыбка человека, который видит перед собой дело всей своей жизни. Который знает: самое главное — впереди.

Палец остановился на Харбине.

Вентилятор гудел. Цикады стрекотали. Где-то в саду, за стеклянной дверью, ветер шевелил листья, но сюда, в кабинет, не проникало ни дуновения.

Исии стоял у карты — белый халат горел пятном в полумраке — и улыбался.

ГЛАВА 1

18 июля 1945 года, 10:00. Лагерь под Хабаровском

Воздух ощущался во рту как теплый кисель.

Кравченко шел по тропе между палатками, и каждый шаг давался с усилием — дышать в этом влажном пекле было нечем. Сосновый лес обступил лагерь со всех сторон, нагретые за день стволы сочились смолой, и запах этот — густой, сладкий, липкий — въедался в глотку хуже табачного дыма.

Гимнастерка прилипла к спине между лопатками. Майор машинально дернул плечом, пытаясь отодрать мокрую ткань от кожи, — бесполезно. Через пять секунд она прилипла снова.

Из-за палатки выскочил боец с автоматом, узнал командира, козырнул на бегу и скрылся. Кравченко даже не замедлил шага. В лагере под Хабаровском дисциплина была обычной, армейской, без той струны, которая звенит перед заброской. Люди отдыхали. Три дня назад их вывели из леса, дали помыться в баньке, сменить белье. Кормили два раза горячим блюдом. Разрешали спать до десяти.

Кравченко посмотрел на часы. Без пяти десять.

Он ждал. Полковник из Смерша приехал еще затемно, когда лагерь спал, — машина с затемнен-

ными фарами прошуршала по грунтовке и замерла у штабной землянки. Кравченко видел это из окна своей палатки, но не вышел. Не позвали — не лезь.

Теперь позвали.

Он свернул к землянке, пригнувшись, нырнул в низкий проем. Ступеньки вниз вели в полумрак, где пахло сырой землей, махоркой и еще чем-то канцелярским — бумагой, сургучом, чернилами.

— Товарищ майор...

Адъютант, молоденький лейтенант с потным лбом, указал на дверь в дальнем конце землянки. Кравченко кивнул, шагнул, толкнул дверь.

В кабинете было так же душно, как наверху. Оконце под потолком было затянуто марлей от гнуса, но комары все равно набились внутрь и тоненько звенели под столом. Полковник сидел за деревянным столом, заваленным картами, и смотрел на вошедшего усталыми глазами.

— Садись, майор.

Кравченко сел на табурет напротив. В глаза бросились руки полковника, лежащие на папке с грифом «Совершенно секретно». Сухие, в старческих пигментных пятнах, пальцы чуть заметно подрагивали. Война старит даже тех, кто сидит в штабах.

Полковник пододвинул папку через стол.

— Читай. Вслух.

Кравченко открыл папку. Внутри лежал лист плотной бумаги, исписанный убористым машинописным текстом, и еще один — калька с картой. Он пробежал глазами первые строки.

«Совершенно секретно. Экземпляр номер один. Перехваченная радиограмма. Язык — японский. Расшифровка — ориентировочная, семьдесят процентов...»

— Читай вслух, — повторил полковник.

Кравченко откашлялся.

— «...объект „Накамура“ докладывает в центр. Штаммы адаптированы к носителям. Испытания на „марионетках“ подтвердили стабильность. Аэрозольное распыление с Ки-57 возможно в течение двадцати четырех часов после получения приказа. Жду подтверждения. Император...»

Он запнулся. Полковник кивнул:

— Дальше.

— «Императорская ставка утвердила план „Черный дождь“. Цель — дивизии противника в полосе наступления. Ожидаемый эффект — до восьмидесяти процентов потерь личного состава от чумы и сибирской язвы».

Тишина в землянке стала полной. Только комары звенели под столом и где-то далеко, над сопками, гудел авиационный мотор.

Полковник забрал папку, закрыл, положил перед собой.

— Харбин, — сказал он. — Бывший русский госпиталь. Сейчас там лаборатория. «Отряд 731». Слышал?

Кравченко кивнул. Слышать слышал, но информация была обрывочной, из разведсводок, которые читал мельком.

— Они ставят опыты на людях, — продолжил полковник. — Китайцы, русские, корейцы. Монголы. Называют их «марионетками». Заражают чумой, холерой, сибирской язвой. Смотрят, как умирают. Потом режут живьем, чтобы посмотреть, как выглядят органы. Вскрывают без наркоза.

Голос у полковника был ровный, без эмоций. Он просто констатировал факты, как сводку погоды.

— И это не все. Они научились распылять заразу с самолетов. Если успеют — когда наши дивизии пойдут через границу, их встретят не пулеметы. Их встретит чума. Представляешь, майор? Танкисты, артиллеристы, пехотинцы — все они сгинут от поноса и температуры, даже не увидев врага.

Полковник помолчал, потом наклонился через стол. Глаза у него были сухие, колючие.

— Кровь стынет в жилах, майор. Если они успеют — эпидемия выкосит дивизии. Не роты, не полки — дивизии. Десятки тысяч человек. И это только начало. Потом чума пойдет дальше, в города, в тыл... Остановить ее можно только здесь.

Палец полковника ткнул в карту. Харбин.

— Твоя группа идет туда. Ставка выбрала тебя для этого важного задания. Задача — найти лабораторию, захватить документацию, образцы штаммов, всех, кто там работает — по возможности языков. Если не получится взять живыми — уничтожить. Но документы и пробирки должны быть у нас. Лебедева разберется что к чему.